

От редакторов журнала «AvtobiografiЯ»:

Русские автобиографические тексты: взгляд с Запада (Несколько примеров из опыта работы журнала «AvtobiografiЯ»)

Андреа Гуллотта, Клаудиа Кривеллер¹

1.

Русская словесность богата различными формами эгодокументов: мемуарами, дневниками, автобиографиями, автобиографическими романами. И их изучение, как показывают уже теоретические и критические работы формалистов начала XX века, является одной из ключевых тем в истории русской литературы. Кроме того, русские формалисты внесли важный вклад в определение научного поля, которое сегодня в англоязычных странах условно называется «Life Writing» (ср. Jolly 2001).

В западной научной среде многие русские исследования, даже в переводах на европейские языки, мало известны за пределами русистики. Так, например, работы Юрия Тынянова о «литературном факте» и о его месте в системе литературы, а также о художественных элементах эгодокументов (Тынянов, 1975) переведены на языки Западной Европы и подробно изучены. Однако фундаментальное исследование о художественности в биографии Григория Винокура (Винокур, 1927), благодаря которому ее изучение в России становится «научной» областью, западным исследователям почти не знакомо. Другим примером исследований, обойденных вниманием западных ученых, являются работы советских и современных критиков и теоретиков литературы о жанре «нон фикшн» или «документальной прозы». К этому жанру Местергази относит дневники, биографии, мемуары, письма, записки, очерки, документальные повести и романы (например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, Солженицын 1973-1975) (Местергази 2007).

Недостаточная известность работ русских и советских исследователей не позволяет увидеть значимость их вклада в дискуссию о художественности жанров автобиографии и биографии, развернувшейся на Западе в 1950-е гг. В частности,

¹ Андреа Гуллотта является автором второй и третьей частей данной работы, Клаудиа Кривеллер – первой и четвертой.

важность развития ими тезиса о том, что усиление документального характера сочинения не уничтожает его литературность. В этой связи стоит напомнить точку зрения Машинского (Машинский 1960), по мнению которого автобиография является «художественным фактом». В том же направлении ведет свои исследование Явчуновский (Явчуновский 1974), рассматривающий проблему фикции и действительности в художественно-документальной литературе, к которой относит и исповедальную прозу. Этих интересные, но малоизвестные на Западе работы находятся «в тени» других знаменитых исследований русских ученых: Лидии Гинзбург о психологической прозе (Гинзбург 1997), Михаила Бахтина о жанре и типологии биографии (Бахтин 1975) и Юрия Лотмана о достоверности фактов и их восприятии читателем (Лотман 1986).

С другой стороны, фундаментальные работы, появившиеся на Западе и с середины 1950-х годов щедро питающие эту научную область (например, работы Гусдорфа [Gusdorf 1972] и Манделя [Mandel 1980]), в наши дни развивающуюся главным образом в англоязычных странах, Франции и Северной Европе, не переведены на русский язык и долго отсутствовали в дискуссиях по российской проблематике.

Международные исследовательские группы стали появляться только в последнее время. К ним относятся Группа междисциплинарных исследований автобиографии Высшей школы экономики, предлагающая использовать общеевропейские подходы и методологии. Другой пример – международная научная группа, создавшая в 2012 году в рамках проекта, финансируемого Падуанским университетом, тематический рецензированный журнал «Avtobiografija» (<http://www.avtobiografija.com>), посвященный авторепрезентации в русской и славянских литературах.

Тематические журналы, посвященные изучению эгодокументов, как известно, довольно многочисленны. Укажем в качестве примера журнал международной ассоциации изучения автобиографии («European Journal of Life Writing», <http://www.ejlw.eu>) и журналы, посвященные национальным литературам, список которых опубликован на сайте <http://www.autopacte.org> Филиппа Лежена, автора знаменитого «автобиографического пакта». Отсутствие среди них журнала, посвященного русской и славянской литературам, сразу бросилось в глаза главным редакторам будущего издания. Поэтому они, а также редакционный и научный советы журнала «Avtobiografija», поставили перед собой цель интеграции двух разных научных традиций. Нам кажется, что диалог исследователей является эффективным средством комплексного изучения авто-биографического наследия разных культур.

На протяжении немногих лет своей жизни журнал стал настоящей лабораторией, местом встречи учёных из разных стран и научных традиций. Ими рассматриваются традиционные и современные тенденции в изучении эгодокументов, сравнивается используемая в разных научных традициях терминология и предлагается новая, разрабатываются теоретические аспекты изучения дневников, автобиографических заметок, личной переписки и других эгодокументов, принадлежащих к разным векам и культурам.

Во многих работах сохраняется традиционный подход к изучению автобиографических жанров, который интерпретирует их как источник биографических и исторических сведений. К этим работам можно отнести анализ дневника Кюхельбекера времен его ссылки, содержащий сведения пограничные между реальностью и фикцией (Алоэ 2013), образа Петербурга в мемуарах авторов шестидесятых годов XIX века (Вассена 2013), связей между русской и чешской культурами в контексте послереволюционной эмиграции (Ггіа 2013), политических и националистических взглядов автора в автобиографии Николая Костомарова (Франсо 2014), жанра фельетона в литературных воспоминаниях опубликованных в чешском самиздате (Mella 2014), роли «авторских прочтений» Гоголя в письмах и воспоминаниях (Манн 2015), биографии Достоевского, написанной Георгием Чулковым (Богданова 2016) и биографии Платонова, написанной Борисом Пильняком (Мальгина 2016).

Немало статей, опубликованных в журнале, посвящены также проблеме жанра. В них рассматриваются не только такие традиционные, прочно утвердившиеся в литературной критике сюжеты, как мемуарная проза в творчестве Марины Цветаевой (Смит 2012), письма из ссылки Александра Радищева (Бодэн 2013) и путевые женские дневники 1790-1842 гг. (Murphy 2013), но и жанры, которые изучаются редко и только недавно были обозначены термином «автобиография по заказу» (Deotto 2012, Деотто 2013): «автобиографическая заметка» Дмитрия Мережковского (Холиков 2012), мемуары журналистов (Родигина, Сабурова 2014).

Рассмотрение теоретических вопросов группой исследователей, сложившейся вокруг журнала, позволяет преодолеть идею эгодокумента как исключительно биографического источника, сблизив разные научные традиции и подходы. Маша Левина Паркер, например, интерпретирует автобиографические работы Андрея Белого в ключе теорий «серийной автобиографии» американского исследователя Ли Гильмор (Gilmore 2001) и французских теорий о «самосочинении» (autofiction) (Левина Паркер 2014). Биографический метод исследует Виолетта Гудкова в тематическом разделе

журнала, посвященном биографии (Гудкова 2016), здесь же Валерий Тюпа рассматривает теоретические аспекты стратегий писательской биографии на материале жизнеописаний Чехова (Тюпа 2016). Итальянские исследователи Валентина Паризи и Марко Пулери посвятили свою статью автофикциональным аспектам творчества Лимонова (Parisi 2014, Puleri 2014), а российский, Илья Кукулин, – автобиографическим письмам Павла Улитина, новаторским для творчества писателя (Кукулин 2014).

В некоторых работах, опубликованных в журнале, исследовательская перспектива расширяется в результате использования междисциплинарного подхода. Например, прослеживается связь между рисунками и текстом в автобиографии Евфросинии Керсновской (Viollet 2012) и роль фотографии в биографии писателя на материале «образа памяти» Дмитрия Мережковского (Холиков 2013). Исследователи анализируют автобиографический элемент в музыкальной ткани «Детской» Модеста Мусорского (Artoni 2014), воспоминания о детстве в фильме Любви Аркус «Антон тут рядом» (Климова 2015), мотив детства в авторских песнях Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича (Ошевич 2015).

Тематические разделы, публикуемые в каждом номере журнала, подчеркивают внутренние связи между различными теоретическими подходами, превращаясь в настоящие гипертексты. В четвертом номере (2015 г.) это раздел о памяти детства, редактором которого является Марина Балина, а в пятом (2016 г.) под редакцией Алексея Холикова опубликована серия статей, посвященная жанру биографии.

Наиболее спорный аспект проблематики автобиографического письма, рассматриваемый в журнале, – вопрос об отношениях между вымыслом и действительностью. Во многих статьях его разработка стала главной темой. Так, исследователями были прослежены фиктивный характер мемуаров Георгия Иванова (Лаццарин 2012), соотношение между автобиографией и правдой в рассказе протопопа Аввакума о Настасье Марковне (Зарецкий 2013), трансформация памяти о писателе (Холиков 2013), осмысление литературы как оформления опыта жизни на примерах Бориса Эйхенбаума (Добренко 2013) и Осипа Мандельштама (Сальман 2013). Вопрос о соотношении правды и вымысла рассматривался также в номере журнала за 2016 г., в частности в статьях, посвященных биографии Бабеля, отразившейся в его сочинениях (Погорельская 2016) и рассмотрению связи биографии Ивана Дмитриева с мифологией (Велижев 2016).

В разделе «О нас» на сайте нашего журнала мы говорим, что одна из главных целей «Avtobiografija» – стать мостом между Западом и Россией. Как выше уже сказано, журнал был вдохновлен убеждением обоих главных редакторов в необходимости создания места встречи между традициями автобиографических исследований, появившихся и развивающихся как в России, так и на Западе и имеющих мало точек соприкосновения. Отсутствие таких площадок, позволяющих вести диалог между этими традициями, казалось нам очень серьезным пробелом в современном научном мире, и мы попытались заполнить его нашим журналом.

Предыдущая часть данной статьи, по нашему мнению, свидетельствует, что эта попытка оказалась довольно успешной. В этой части работы мы рассмотрим более подробно несколько исследований, в которых западными подходами к изучению автобиографии в русском контексте воспользовались и русские, и иностранные учёные.

Много из таких исследований, служащих «мостом», заслуживают упоминания, однако, поскольку мы ставим перед собой цель кратко выделить преимущества этой научной практики в рамках авто-биографических исследований, рассмотрим по одной статье из каждого номера журнала, оставляя читателю удовольствие обнаружить в «Avtobiografija» и другие случаи.

В первом номере вышла статья Натальи Родигиной (Новосибирский государственный педагогический университет) и Татьяны Сабуровой (Омский государственный педагогический университет), посвященная изучению автобиографического письма как жанра на основе анализа писем Елизаветы Водовозовой и Ариадны Тырковой-Вильямс (Родигина, Сабурова 2012). Авторы посвящают значительную ее часть работам, которые являются теоретическим основанием их анализа, т.е. гендерным исследованиям о женской автобиографии (с. 121-124). В их статье, имеющей преимущественно социально-историческую направленность, авторы упоминают теории Мэсон (Mason 1988), Смит (Smith 1987, Smith 1993) и Джелинек (Jelinek 1980), согласно которым женская автобиография имеет свои особенности, связанные с социально-культурным контекстом их создания. Анализ автобиографических писем Е. Водовозовой и А. Тырковой-Вильямс на основании этих теорий позволяет Родигиной и Сабуровой продемонстрировать, что автобиографический акт обеих авторов является попыткой самоидентификации через раскрытие «новой идентичности» как в семейном, так в социальном контекстах. «...В привлеченных нами текстах, - пишут авторы статьи, - возрастает значение новых идентичностей (политической, профессиональной, поколенческой, гендерной) и включения с их помощью женщины-мемуаристки не столько в семейное “Мы”, сколько

в «Мы» социальное, в общий ход исторического развития России» (с. 141). Таким образом, Родигина и Сабурова успешно показывают, что «анализ способов идентификации и самоидентификации, зафиксированных в автобиографическом письме, может способствовать лучшему пониманию проблемы социальной структуры российского общества, особенно в период модернизационных трансформаций» (с. 125), приходя к тем же выводам, что их западные коллеги.

Второй номер журнала включал другую статью об идентичности в социальной сфере, однако проанализированные с помощью иных теоретических подходов, заимствованных в западной научной традиции. Раффаэлла Вассена (Миланский государственный университет) пыталась в ней рассмотреть городское пространство Петербурга как специфическую социальную площадку формирования коллективной памяти (Вассена 2013). В её тексте на основе подходов Хальбвакса (Halbwachs 1992), Нора (Nora 1984-1992; Nora 1996) и Рикера (Ricoeur 2000) анализируются многочисленные мемуары эпохи великих реформ и показывается, что «коллективная память всегда воплощается в пространстве: в образах и в материальных предметах, в которых проявляется общий идентификатор социальной группы или народа. Поскольку «помнить» – это действие социального свойства, оно близко связано с тем, как воспоминания разрабатываются, структурируются и вписываются в пространство. Город является одним из самых важных мест, в котором реализуются стратегии строительства и управления общественной памятью» (с. 63). Воспоминания главных героев такого особого исторического периода, как эпоха великих реформ рассматриваются Вассеной в виде отдельных составляющих общего коллективного представления эпохи в пространстве Северной столицы. Петербург рассматривается как зрелище, «в котором мемуарист оказывается одновременно зрителем и постановщиком общественного петербургского зрелища шестидесятых годов, действующим лицом и автором воспоминания, которое является уже не индивидуальным, а коллективным» (с. 70).

Из статей третьего номера, одна, как нам кажется, предлагает наиболее инновационные теоретические подходы. Это исследование Филиппа Кола (Свободный университет Берлина), посвященное Дмитрию Пригову, в частности, его роману «Живите в Москве» (Kohl 2014). После общего введения в художественный мир Пригова – в отличие от двух ранее цитируемых нами статей, текст Кола написан на английском языке – автор рассматривает проблему правдоподобия текста, который исследователь, основываясь на некоторых автобиографических теориях западного происхождения, определяет как «гибридный текст». Кол тоже подчеркивает разницу

между понятиями «быт» и «бытие» в романе Пригова, опираясь на слова самого Пригова, подтверждающего, что он «не рассказчик о событиях своей частной жизни. Но лишь повествователь о мощном общем, общественном бытии, прокатывающемся через меня» (с. 174). Автор статьи связал такое отношение Пригова к быту и бытию с концепциями, сформулированными Джорджем Агамбеном (Agamben 1998) о разнице между *bios* (т.е. социально-общественная жизнь) и *zoe* (жизнь вне политической сферы). На основе новейшей теории «зоеографии», разработанной голландским ученым Луи ван ден Хенгелем (van den Hengel 2012), Кол предлагает свежий перспективный взгляд на творчество Пригова.

Как уже упоминалось, с четвертого номера мы стали посвящать значительную часть выпусков журнала тематическим разделам. Главным редактором первого из них, отданного теме детской литературы, стала Марина Балина (Университет Уэсли в Иллинойсе). В одной из его статей Лариса Рудова (Помона-Колледж, США) рассматривает малоизученный текст – «Дом с башенкой» Фридриха Горенштейна (Rudova 2015). При этом автор использует как западные, так и русские подходы, определяя текст Горенштейна как *autofiction* – термин, введенный в академический мир писателем Сержем Дубровским, и сегодня широко признанный в научном мире. Однако Рудова, опираясь на разработанные в исследованиях автобиографии детства теории Кнопфлмахера-Майерса (Knoepflmacher and, Myers 1987) и Коу (Coe 1984), идентифицирует повествовательные стратегии Горенштейна также как «cross-writing», в которых «писатели употребляют голос ребёнка и голос зрелого человека в контексте творческой кооперации» (с. 33). По мнению автора, эти стратегии близки бахтинскому пониманию гетероглоссии (там же).

Монографический раздел недавно опубликованного пятого номера посвящен биографии писателя. Этот раздел, написанный на русском языке русскими авторами, был «компенсирован» текстом американского специалиста по русской литературной биографии Ангелы Бринтлингер (Университет штата Огайо). Мы специально пригласили автора написать текст, позволяющий предложить западную перспективу рассмотрения русской писательской биографии (Brintlinger 2016). Бринтлингер написала вполне оригинальный текст, в котором рассматривает проблему исходя из её собственного профессионального опыта, убедительно подтверждающего, что биография – это риторический жанр. Её текст является примером успешного диалога между Западом и Россией, фокусом плодотворного обмена идеями и эмоциональными переживаниями, в ходе которого теории Тынянова соседствуют с его изображением, выполненным американской студенткой.

3.

Важность научного обмена между Западом и Россией казалось нам, авторам этой статьи, ключевой для исследований автобиографических жанров, связанных с литературой травмы. Это как раз та область, в которой западные литературоведы-русисты открыли многочисленные новые подходы, позволяющие расширить спектр интерпретаций текстов русской традиции.

Что касается литературы травмы, то можно сказать, что сегодня западное и российское литературоведение идут параллельными путями. В последние два-три десятилетия в англоязычном и франкоязычном научных сообществах получила развитие целая область науки, исследующая отношения между автобиографией и травмой, включающая филологов, психологов, историков, философов. Учёные занимались этой темой в связи со случаями пыток, изнасилований, терактов. В рамках темы «автобиография травмы» они фокусировали также свое внимание на опыте людей, столкнувшихся с инвалидностью и неизлечимыми болезнями, попавших в тяжелые аварии. Среди многочисленных работ по этой теме, опубликованных на западе, нужно упомянуть работы Доминика ЛаКапра (LaCapra 2001), Кэти Карут (Caruth 1996) и Жан-Франсуа Киантаретто (Chiantaretto 1999), и целую серию статей, опубликованных в тематических журналах².

До совсем недавнего времени русские коллеги **за редким исключением** игнорировали этот поток публикаций. Автобиография травмы в России изучалась почти исключительно через призму документальной прозы. Долгожданные публикации работ западных учёных (например, Хальбвакс 2009; Трубина, Ушакин 2009) стали здесь переломным моментом. Однако они не изменили принципиально общую картину, что особенно удивительно в случае самой важной части русской литературы травмы, литературы ГУЛАГа. Надо отметить, что многие теоретические подходы в вышеупомянутых западных работах, хотя и были разработаны при изучении Холокоста, имеют универсальный характер для изучения травмы, однако российскими исследователями используются редко.

Исследования эгодокументов ГУЛАГа и репрессий советского времени, как нам кажется, уделяют недостаточно внимания травме, хотя российское литературоведение изучало ее и без связей с западной научной традицией. Западные теории, однако, могут углубить наше понимание литературы ГУЛАГа, или «литературы советских

² См. например «Journal of Poetry Therapy» и «Journal of Literature and Trauma Studies».

репрессий» (такое название этого корпуса текстов нам кажется более точным)³. Помимо травмы западные теории рассматривают и другие проблемы автобиографических свидетельств, в частности, проблему правдивости.

Литература ГУЛАГа в основном является литературой свидетельства⁴. Главным образом, написание мемуаров и других текстов о ГУЛАГе – это акт, направленный на расширение знаний о советских концлагерях и их ужасах в невосприимчивом историческом контексте. Первые воспоминания такого рода, написанные беглецами из советских лагерей в 1920-х – 1930-х годах и опубликованные за рубежом, были направлены на информирование читателей за пределами Советского Союза о существовании советских лагерей и о страшных условиях содержания в них заключенных. Значительное количество воспоминаний было написано после смерти Сталина, в период оттепели, когда казалось, что СССР был готов говорить публично о трагической странице своей истории, скрытой для большинства граждан. Однако, когда выяснилось, что возможности для их публикаций (за исключением редких случаев) практически не было, мемуары и воспоминания стали циркулировать в самиздате, выполняя функцию так называемой «resistance literature» (см. Harlow 1987). После перестройки, многие из них были опубликованы, создав пространство для публичной дискуссии о ГУЛАГе и стимулируя многих других бывших его заключенных писать свои воспоминания. Разные исторические обстоятельства написания и публикации этих экодокументов непосредственно связаны с вопросом о достоверности литературы ГУЛАГа.

В рамках литературы свидетельств критерий достоверности текстов является наиболее значимым. Перефразируя Лежена (Lejeune 1975), можно сказать, что уважение автобиографического пакта принципиально важно для того, чтобы текст оказывал конкретное влияние на общество. Поэтому не случайно, что большая часть исследований автобиографических произведений о коллективных травмах настаивают на достоверности, и что несколько судов о Холокосте и о ГУЛАГе были основаны на использовании в качестве доказательств личных свидетельств и мемуаров. Вопрос достоверности, однако, не простой: автор воспоминаний о травматическом опыте своей

³ Об этом, см. Gullotta 2012.

⁴ Следует подчеркнуть, однако, что помимо автобиографий и мемуаров она содержит бесчисленные литературные произведения (рассказы, романы, повести, поэмы, стихи), написанные авторами, умеющими придать художественную форму испытанному ими ужасу. К сожалению, в этой статье нет возможности рассмотреть отношения между травмой и её репрезентацией в художественной литературе о советских репрессиях.

жизни может опустить некоторые составляющие этого опыта и даже лгать. Рассмотрим дальше три разные ситуации, связанные с Соловецким лагерем, чтобы показать, как западные подходы позволяют лучше понять поведение авторов: их упущения, ошибки, ложь.

Иногда авторы воспоминаний о ГУЛАГе пропускают отдельные стороны их жизни в лагере. Например, в мемуарах Бориса Ширяева (Ширяев 1954) полностью отсутствует описание его деятельности в роли лагкора внутри: в этой роли Ширяев публиковал в журналах и газетах СЛОНа статьи о производственной деятельности лагеря, где часто прославлял принудительный труд.

«Стоит лес. А монахов уже нет. Рассеялись. [. . .] Иные люди пришли. Торопливые, шумные, деловитые. . . [. . .] Пришел хозяин. [. . .] И чудно лесу и боязно, и любопытно слушать песни неслыханные, гудки непонятные, сквозь похруст иголочек льдистых ветви-лапы его усыпавших. Пришел хозяин» (Ширяев 1925, с. 94).

Ширяев был также и поэтом: в Соловецкой прессе можно найти его стихи против духовенства:

Но, как с трудом? Попы немного
Надеялись на милость бога,
Но сила веры их слабела
По мере приближения дела. (Акар 1924, с. 52)⁵

Иногда авторы мемуаров о ГУЛАГе лгут бессознательно. Такое случается в воспоминаниях академика Дмитрия Лихачева, в юности отбывшего в лагере срок. Лихачев описывает последнюю встречу заключенного Георгия Осоргина с его женой. Он пишет, что жена Осоргина прибыла на Соловки неожиданно, сразу же после того, как муж был приговорен к смертной казни. По воспоминаниям академика, Осоргин смог провести последние часы жизни с женой, ничего не знавшей о казни мужа (Лихачев 1995, с. 262-263). Незадолго до отъезда жены, Осоргин был расстрелян. Однако в 1995 году театровед Татьяна Кузякина в её книге о театре Соловецкого лагеря процитировала архивные документы, отрицающие эту версию. В них сказано, что между последней встречей супругов и исполнением приговора Осоргину прошло много месяцев. (Kuziakina 1995, p. xvi)

Иногда авторы мемуаров о ГУЛАГе лгут сознательно: Созерко Мальсагов, первый беглец из советских концлагерей и автор мемуаров, опубликованных в Лондоне в 1926 году (Malsagoff 1926), подробно описывает Соловецкий лагерь, однако далеко не

⁵ С. Акар – один из псевдонимов Ширяева на Соловках.

все приводимые им детали точны. На самом деле, Мальсагов на Соловецких островах никогда не был: он бежал из пересыльного пункта в Кеми, в Карелии.

Причины этих трех случаев неправдоподобия/лжи/упущений разные, но все они тесно связаны, с одной стороны, с моментом написания текста, с другой, – с его жанровыми особенностями. Как правило, автобиографический акт связан с разными причинами, однако в случае литературы ГУЛАГа главная причина в том, что История (с большой буквы) даёт автору его (или её) «право на биографию». Поэтому автор чувствует, что имеет «право на биографию» не благодаря собственной личности, а благодаря тому, что он был свидетелем необычной, невысказанной или мало кому известной истории.

Главная роль в неправдоподобии/лжи/упущениях лагерной литературы и мемуаристики играет момент создания автобиографического текста, хотя сам его характер тоже важен. Приехав за границу, Созерко Мальсагов решил поделиться своим личным опытом репрессированного с современной европейской публикой, будучи убеждён, что рассказ о пережитом им был для нее необходим: он открывал неизвестные ей сведения о советских трудовых лагерях. Очевидно, что в своей истории Мальсагов не мог опустить описание жизни в Соловках. В 1926 году они считались самым страшным из советских лагерей и молчание о них ослабило бы эффект от его книги. Текст Мальсагова является тем, что немецкий писатель Кристоф Хайн называет «социальная автобиография» (Hein 1991, p. 34), имея в виду нарратив, который «speaks of that which affected individuals, of that which afflicted, struck or astonished them. It would be 'autobiography, not in the sense of private autobiography, but nevertheless personal, not representative or paradigmatical, but rather a social autobiography» (McKnight 1995, p. 10). По мнению Хайна, в таких нарративах социальный аспект имеет первостепенное значение, даже за счет неправдоподобия: «The facts, which may not have been presented accurately, are not always crucial, but the consequences and reaction to history by the observers, by the afflicted and the affected, determine how we think about history» (там же).

Что касается Ширяева, то его забывчивость имеет иную природу. Просидев много лет в советских лагерях, Ширяев эмигрировал в 1944 году в Европу. Здесь, в безопасности, он создает текст, в котором обращается к своему травматическому опыту, чтобы засвидетельствовать увиденный им и его сокамерниками ужас. Как видно уже из самого названия его произведения, Ширяев сочинял свою историю, будучи глубоко вдохновлён религией и будучи уверен, что Бог искупает человеческие грехи⁶.

⁶ См.: «В 1922 году Преображенский собор сгорел. Его сожгли первые большевистские хозяева

Понятно, что в такой картине нет места для антирелигиозных стихов, опубликованных им в соловецкой прессе. Вопрос о соотношении автобиографии и действительности изучался многими учеными («People are prone to transform their experience over time into a coherent autobiography that explains how their current self came to be and how their future will unfold», Landau, Greenberg and Sullivan 2009, p. 1012 – авторы цитируют важный текст о теме, McAdams 1985), однако мне кажется, что объяснение обозначенных выше лакун у Ширяева лучше объясняется понятием «активного автобиографа», предложенным Джоном Полом Икином: «I am concerned [...] with autobiographies that feature the active, conscious construction of the point of intersection between the individual's life and the larger movement of history of which it is a part. I shall argue that in these cases, autobiography not only records an imaginative coming-to-terms with history, it functions itself as the instrument of this negotiation» (Eakin 1992, p. 144).

Самый удивительный из трёх проанализированных нами случаев неправдоподобия – история о последней встрече супругов Осоргиных, рассказанная Лихачевым – отличается от первых двух. Отбыв срок на Соловках в молодости, Лихачев (в отличие от почти всех своих солагерников) долго прожил в СССР, стал всемирно известным ученым и приобрел всеобщее уважение как общественный деятель. И когда в конце восьмидесятых годов он пишет мемуары то, по словам Икина, «comes to terms» с тем, что произошло в его прошлом.

В данном случае проблема состоит в том, что академик написал свой текст через почти шестьдесят лет после описываемых им событий, опираясь лишь на собственную

острова, чтобы скрыть расхищение ценностей, украшавших его древний пятиярусный иконостас и оставленных в ризнице ушедшей на Валаам братией. В те годы зарево великого пожара стояло над всей Русью. Новые хозяева жгли украшавшие ее сокровища Духа. Сотворенное человеком — видимое — сгорало. Сотворенное Богом — невидимое — жило. Оно — вечно. Четыре века со всей Руси притекали трудники к стенам Соловецкой обители. Земные, отягченные злобой, грехом, изъязвленные, смрадные, покрытые гноем и струпами в душах своих, сбрасывали они тяготу своих грехов, бремя земной юдоли у гробниц Святителей Соловецких, омывались покаянными слезами, и многие, в жажде светлого преображения трудились во имя Божие, кто год, кто три, кто пять. Иные оставались тут навек и погребены на острове. Века сплетаются. Оборвалась золотая пряжа Державы Российской, Святой Руси — вплелось омоченное в ее крови суровье РСФСР, а в них обоих в тугом узле — тонкие нити жизни новых соловецких трудников согнанных метелью безвременных лет к обугленным стенам собора Святого Преображения. О них — эта запись безвременных лет». (Ширяев 1954, с. 32-33)

память. Во многих таких случаях, ошибки зависят от естественного ухудшения памяти или от влияния коллективной памяти на индивидуальную. Исходя из понятия коллективной памяти, разработанного Морисом Хальвбаксом, человеку невозможно точно и последовательно вспомнить события без участия различных социальных контекстов (или социальных групп), которые он называет «Les Cadres sociaux de la mémoire» (Halwbachs 1992, pp. 37-191). Историю с супругами Осоргиными, рассказанную Лихачевым, можно обнаружить и у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» -- его фамилия включена Солженицыным в список лиц, с которыми беседовал Солженицын, собирая материалы для своего труда. Михайл Розанов, автор интереснейшей книги о Соловецких мемуарах, предположил, что источник этой истории – или сама жена Осоргина, или один из бывших заключенных Соловецкого лагеря (Розанов 1979, кн. 1, с. 217). Это значит, что эта история была частью коллективной памяти либо уже в лагере, либо после публикации книги Солженицына. Вполне вероятно, что личная память Лихачева включила событие, существовавшее только в коллективной памяти, и, таким образом, вымысел заменил действительность. В связи с этим явлением Хальбакс пишет: «I believe that the mind reconstructs its memories under the pressure of society. [...] Society from time to time obligates people not just to reproduce in thought previous events of their lives, but also to touch them up, to shorten them, or to complete them so that, however convinced we are that our memories are exact, we give them a prestige that reality did not possess» (Halwbachs 1992, p. 51).

Эти три ситуации показывают, какой непростой оказывается проблема правдивости в воспоминаниях о ГУЛАГе. Социальный автобиограф Мальсагов лжёт сознательно, чтобы укрепить эффект его текста в социальном пространстве; Ширяев сознательно опускает часть своего прошлого, чтобы придать важность и последовательность его «активной» автобиографии; Лихачев бессознательно делает ошибку из-за превосходства коллективной памяти над индивидуальной.

4.

Связь реальности с фантазией, как было отмечено, является одним из основополагающих вопросов интересующей нас научной области, в центре внимания важнейших русских и западных исследований. Эта связь составляет важный элемент автобиографичности в многочисленных произведениях советского времени: как подцензурных, так и относящихся к андеграунду. В каждом случае, однако, связь между реальностью и вымыслом в организации текста и выражения автобиографизма имеют разные функции. Обозначенный вопрос я дальше постараюсь рассмотреть на

материале автобиографических повестей Лидии Чуковской «Софья Петровна» (1939-1940) и «Спуск под воду» (1952-1957) и сочинений Евгения Харитонов, главным образом его рассказов «Слезы об убитом и задушенном» и «В холодном высшем смысле».

Автобиографические повести «Софья Петровна» и «Спуск под воду» лежат на грани документальной и художественной прозы, отличаясь от большей части женской литературы о советских репрессиях, состоящей из писем, воспоминаний и дневников, элементом литературности и эстетической организацией повествования. В первой повести автобиографические элементы раскрываются не только в образе главной героини, но в каждом действующем лице-женщине. Они не выражены открыто – например отсутствует соответствие имени автора и имени главного действующего лица, на котором основывается автобиографический пакт Филиппа Лежена. Несмотря на вымышленность персонажей, во всех узнаются элементы, напоминающие судьбу автора: матери, чей сын арестован и репрессирован; женщин, стоящих в длинных очередях у входа в тюрьму, где находится их близкий человек. Чуковская разрабатывает хорошо знакомые ей лично места, ситуации и чувства в фикциональном ключе, при этом за кулисами фантазии ее личные черты полностью скрывается, вместе с реальностью, о непонятной трагичности и абсурдности которой ей невыносимо говорить откровенно.

В «Спуске под воду» автобиографический элемент драматизма укрепляется еще сильнее, в связи с тем, что после начальной растерянности перед героиней обнажилась трагическая сущность репрессий. Фикциональный характер организации автобиографического повествования воплощается в метанарративной стратегии «романа в романе», которую Филипп Гаспарини (Gasparini 2004, 2008) в своей монографии о жанре автофикции, относит к самым распространенным техникам авторепрезентации автора. По его мнению, общая или близкая к авторской, профессия (писателя, переводчика, критика и т.д.) фикционального действующего лица позволяет определить автобиографичность образа даже тогда, когда нет соответствия между именем главного героя и именем автора.

В повести содержится рассказ в рассказе, написанный самой Ниной Сергеевной, главной героиней. Сюжет идущего от первого лица повествования явно автобиографический: женщина, пытающаяся узнать об арестованном муже, постепенно знакомится с миром террора и семьями заключенных; она свободна только внешне, на самом деле – его жертва. Главное действующее лицо рассказа **Нина Сергеевна** - молодая женщина, стоящая в очереди с маленькой девочкой **на** руках. Она боится, что

потеряет место в очереди и не движется даже когда замечает, что маленькая девочка умерла.

Посредством её голоса Нина Сергеевна обнажает мир, который является собственным миром самой Чуковской. Она показывает без лишних деталей те же самые места, действия и образы мира террора, которые и Нина Сергеевна, и Чуковская хорошо знают, но о которых не могут открыто сказать. Игнорирование реальности абсурдного мира тоталитаризма просматривается за ложью и государственной мистификацией. Автобиографичность нарратива и его связь с реальностью становятся эксплицитными, когда в «рассказе в рассказе» персонажи цитируют и оценивают рассказ Чуковской «Спуск под воду». Метатекстуальный референциальный прием показывает функцию литературы в процессе эстетической разработки интимного опыта. В случае повестей Чуковской метатекстуальная стратегия автобиографического повествования способствует перестройке самого себя и своей жизни в условиях террора. Автор находит себя в фикциональном мире литературы, единственной реальности, где события могут быть сознательно пережиты и отображены.

Элемент вымысленности в повествовании Чуковской можно, наверное, интерпретировать в рамках идеи «предыдущей фикции», предложенной Филиппом Виленом:

La conception de l'imaginaire autobiographique m'invite à postuler l'hypothèse d'un fictionnement antérieur, autrement dit, l'idée que la fiction précéderait sa mise en texte même, et, que la perception du réel, inconsciemment préfictionnée, pourrait être finalement une forme anté-narrative dont la finalité se fixerait moins pour objectif de mettre une vie en roman, de décrire son lot d'événements insolites, comme c'est souvent le cas dans de nombreuses autobiographies, que de retranscrire simplement cette vie perçue d'emblée comme irréalité et, par un déplacement de point de vue, d'en supprimer l'extraordinaire irréalité pour la rendre vraisemblable (Vilain 2005, p. 124-125)

«Предыдущая фикция» конкретно реализуется в советском тоталитарном обществе, в котором отражается система лжи, являющейся частью той же реальности, даже предшествующей ей. Человек принимает и ощущает ложную реальность через фильтр мистификации, производящей саму реальность, поколение в «футляре», неподвижно смотрящее на правду на основе ложных убеждений. На этом фоне Нина Сергеевна и Лидия Чуковская, действующие лица и свидетели террора, аннулируют неспособность пережить обманчивую действительность и с помощью литературы преодолеют её в поисках себя и истины.

Аналогичные приемы использует через много лет писатель и театровед Евгений Харитонов, о жизни которого известно главным образом то, что содержится в документах следственных органов и воспоминаниях современников. Изолированный как от официальной культуры, так и от диссидентства в своей «тюрьме культуры» (Харитонов, 2005, с., 223) из-за его гомосексуальности, Харитонов стал настоящим мифом для поколения 1970-1980-х гг., о чем свидетельствует премия Андрея Белого, которой его наградили в 1981 году посмертно. В театральной же группе «Последний шанс», к которой он принадлежал, его обвиняли в нонконформизме и автоизоляции. За свою жизнь он не опубликовал ни одной строчки – все его произведения появились лишь после его кончины. Главная тема его рассказов – это цензура, перечеркнувшая творчество гомосексуалиста и литератора андерграунда, который, как свидетельствуют воспоминания, всю жизнь пытался жить по общественным правилам и даже пользовался популярностью в театральной среде. Он не мог жить свободно, хотя именно вследствие этого избежал преследований и арестов.

В отличие от традиции автобиографии, начатой Жан-Жаком Руссо, в которой «автобиографический импульс» рождается с целью показать свою искренность и опровергнуть обвинения, в своих многочисленных автобиографических рассказах Харитонов старается построить и укрепить архитектуру своей эфемерной, тайной жизни человека из подполья. У него, как и в случае с произведениями Чуковской, автобиографизм является не только «маркированным стилистическим приемом» (Медарич 1996, с. 31-56), но определенной литературной стратегией, на которой основывается эстетическая архитектура текста. Обнажать свою жизнь, даже в фикциональном ключе, оказывается для Харитонova действием смелым, позволяющим приобрести «право на биографию» (Лотман 1986). Как и Чуковская, Харитонов старается создавать себя посредством литературы. В интимном повествовании он находит, парафразируя Роберта Фолькенфлика, место сознательного поведения. Только здесь автор может писать или переписать свою автобиографию и создать себя (ср. «A life is created or constructed by the act of autobiography», Bruner 1993, p. 38).

В более конкретном плане из элементов конструкции «я» в многочисленных рассказах Харитонova можно выделить осознание своего тела, ссылки к образованию, обозначение сексуальной ориентации и развитие темы писателя, «человека, живущего в слове» (Харитонов, 2005, 323).

В рассказе «В холодном высшем смысле», (Харитонов, 2005) писатель, как и в случае Чуковской, маскирует себя в «тексте в тексте». В коротком произведении речь идет о процессе изложения рассказа, в котором повествователь является писателем. По

сравнению с рассказом Нины Сергеевны этот рассказ в рассказе является второстепенным и его границы точно не определены. Харитонов описывает, как работает писатель, в частности, как он печатает на машинке, и как ему это трудно делать. Текст писательского романа имитирует рукопись, в него включаются, в частности, страницы с корректурой и машинописный текст, который постепенно исчезает со страницы, превращаясь в едва видный, белые пятна на листе, по которым можно проследить, как писатель пишет, стирает и переписывает. Аллюзии к технике ОБЭРИУТов, Вагинова, Белого, Маяковского тут довольно яркие, однако описание работы писателя-ремесленника становится почти сказочным и на основании его строится аутентичный миф о работе писателя. Воображаемый мир далек от вымышленности и мистификации. Харитонов отказывается от них и становится сам по себе объектом повествования. Он ищет реализм в репрезентации своего мира, и даже если имя главного героя не соотносится прямо с именем автора, многочисленные параллели с его биографией (профессия писателя, гомосексуальность, жизнь в Москве, знакомые события) позволяют читателю узнать Харитонova на страницах его автобиографического рассказа.

Искренность повествования открывается только во второй жизни Харитонova – неофициальной, тайной, «бумажной», однако единственной аутентичной. Образ писателя, который вырастает из его нарратива, превращается в настоящий миф и распространяется на многочисленные другие рассказы Харитонova, наподобие стратегии, описанной Сузанной Нальбантиан (Nalbantian 1997), в монографии о модернистской автобиографии. Исследовательница называет эту стратегию «multiplication» и «diffusion»: автобиографический герой разлагается в разных произведениях и общие биографические черты повторяются и множатся в образах многочисленных героев, сливаясь в одного настоящего героя. Вымысел, таким образом, служит автору, чтобы придать конкретность своей жизни и расширить ее до предела мифологизации, подтверждая свою настоящую натуру писателя и человека в условиях цензуры и преследований.

Библиография

Источники

1. *Brintlinger A.*, Biography as an Oratorical Genre, «AvtobiografiЯ», 2016, pp. 153-171
2. *Kohl P.*, Autobiography as Zoography: Dmitrii A. Prigov's Zhivite v Moskve, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 171-183
3. *Malsagoff S.*, An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North, London, A.M. Philpot, 1926

4. *Rudova L.*, “Cross-Writing” and War Memory: Fridrich Gorenshtein’s Autobiographical Story The House with a Turret, «AvtobiografiЯ», 2015, pp. 29-46
5. *Вассена Р.*, Санкт-Петербург как ‘общественное зрелище’ в мемуарном дискурсе об эпохе Великих реформ, «AvtobiografiЯ», 2013, с. 63-72
6. *Лихачев Д.*, Воспоминания, СПб., Logos, 1995
7. *Родинга Н., Сабурова Т.*, “О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю”: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX вв., «AvtobiografiЯ», 2012, с. 121-143
8. *Харитонов Е.*, Слезы на цветах, в 2 тт., М, Глагол, 1993
9. *Харитонов, Е.*, Под домашним арестом, М., Глагол, 2005
10. *Чуковская Л.*, Софья Петровна, Сочинения в 2 тт., Повести, воспоминания, М., Гудьял-Пресс, 2000, 1, 11-81.
11. *Чуковская Л.*, Спуск под воду, Сочинения в 2 тт., Повести, воспоминания, М., Гудьял-Пресс, 2000, т. 1, 85-171
12. *Ширяев Б.* Неугасимая лампада. - Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954

Исследования

13. *Agamben G.* Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life, Stanford University Press, Stanford, 1998
14. *Artoni D.* Musorgskij e i ricordi di infanzia: Tracce liriche e musicali in Detskaja, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 223-232
15. *Bruner J.* The Autobiographical Process // R. Folkenflik (ред.) The Culture of Autobiography, Stanford, California, Stanford U.P , 1993, с. 38-56
16. *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History, Johns Hopkins UP, Baltimore/London, 1996
17. *Chiantaretto J.F.* Écriture de soi et trauma, Anthropos, Paris, 1999
18. *Coe R.N.* When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood, Yale UP, New Haven, Connecticut, 1984
19. *Criveller C.* Gli studi sui generi auto-biografici e memorialistici in Russia, «AvtobiografiЯ», 2012, pp. 21-48
20. *Criveller C.* Io sono il padrone del mio sogno. Evgenij Charitonov e la letteratura del sottosuolo come costruzione dell’io, «E-Samizdat», 2011, VIII, pp. 119-133
21. *Criveller C.* Sof’ja Petrovna e Nina Sergeevna: le «donne nell’astuccio» di Lidija Cukovskaja tra realtà e finzione / A. Oboe, A. Scacchi (ред.) A garland of true plain words., Padova, Unipress, 2012, pp. 339-357
22. *Deotto P.* L’autobiografia su commissione: definizione e limiti di un genere, «AvtobiografiЯ», 2012, pp. 49-58

23. *Eakin J.P.* Touching the world: reference in autobiography, Princeton, Princeton University Press, 1992
24. *Folkenflik R. (ed.)* The Culture of Autobiography, Stanford, Stanford UP, 1993
25. *Franco A.* L'autobiografia di Nikolaj Ivanovič Kostomarov: le fondamenta dell'ucrainofilismo politico nel filtro dell'autocensura, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 233-243
26. *Gasparini P.* Autofiction. Une aventure du langage, Seuil, Paris, 2008
27. *Gasparini P.* Est-il je? Roman autobiographique et autofiction, Seuil, Paris, 2004
28. *Gilmore L.* The Limits of Autobiography: Trauma and Testimony, Ithaca, N.Y., Cornell U.P., 2001
29. *Gullotta A.* Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings, «AvtobiografiЯ», 2012, pp. 73-87
30. *Gusdorf G.* Conditions and Limits of Autobiography / J. Olney, Metaphors of Self. The Meaning of Autobiography, Princeton U.P., Princeton, 1972, pp. 28-48
31. *Halbwachs M.*, On Collective Memory, The University of Chicago Press, Chicago, 1992
32. *Harlow B.* Resistance Literature, Methuen, New York, London, 1987
33. *Hein C.* Öffentlich arbeiten: Essays und Gespräche, Berlin, Aufbau-Verlag, 1991
34. *Jelinek E.* Women's Autobiography: Essays in Criticism, Indiana University Press, Bloomington, 1980
35. *Jolly M.* Encyclopaedia of Life Writing, Autobiographical and Biographical Forms, Fitzroy Dearborn, 2001
36. *Knoepfmacher U.C., Myers M. (Ed.)*, 'Cross-Writing' and the Reconceptualizing of 'Children's Literary Studies', «Children's Literature», 1997, XXV, pp. VII-XVII
37. *Kuziakina N.* Theatre in the Solovki Prison Camp, Luxembourg, Harwood Academy Publishers, 1995
38. *LaCapra D.* Writing History, Writing Trauma, The Johns Hopkins University, Baltimore/London, 2001
39. *Landau M.J., Greenberg J., Sullivan D.*, Defending a Coherent Autobiography: When Past Events Appear Incoherent, Mortality Salience Prompts Compensatory Bolstering of the Past's Significance and the Future's Orderliness, «Personality and Social Psychology Bulletin», 2009, Vol 35, Issue 8, pp. 1012-1020
40. *Lejeune P.* Le pacte autobiographique, Paris, Editions du Seuil, 1975
41. *Mandel B.* Full of Life Now / J. Olney, Autobiography: Essays Theoretical and Critical, Princeton U.P., Princeton, 1980, pp. 49-72
42. *Mason M.* The Equality Trap, Simon and Schuster, New York, 1988
43. *McAdams D.P.* Power, intimacy, and the life story, New York, Guilford, 1985
44. *McKnight P.S.* Understanding Christoph Hein, Columbia, University of South Carolina Press, 1995
45. *Mella S.* Il diario di un'epoca "normalizzata". Strategie narrative autobiografiche nell'editoria

- clandestina cecoslovacca degli anni Settanta, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 395-408
46. *Murphy E.* Memory and Identity in Russian Noblewomen's Francophone Travel Narratives (1790-1842), «AvtobiografiЯ», 2013, pp. 37-49
 47. *Nalbantian S.* Aesthetic Autobiography. From Life to Art in Marcel Proust, James Joyce, Virginia Woolf and Anais Nin, Houndmills-Basingstoke-Hampshire-London, 1997
 48. *Nora P.* Les Lieux de mémoire, 7 vols., Edition Gallimard, Paris, 1984-1992
 49. *Nora P.* From lieux de mémoire to realms of memory, in P. Nora, L.D. Kritzman eds., Realms of memory: Rethinking the French past. Vol. 1: Conflicts and divisions, Columbia University Press, New York and Chichester, 1996, pp. XV-XXIV
 50. *Parisi V.* Je est un autre – Edicka. Autofiction e scrittura di sé in Eduard Limonov, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 409-425
 51. *Puleri M.* «Eto ia – Carrère»: Analysing the Influence of Limonov's Autobiographical Mode in Carrère's Literary Work, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 427-437
 52. *Ricoeur P.* La mémoire, l'histoire, l'oubli, Seuil, Paris, 2000
 53. *Schaeffer J.M.* Jean Marie Schaeffer, Pourquoi la fiction, Paris, Seuil, 1999, pp. 136-145
 54. *Smith A.* Searching for a New Self: Truth-Telling and Double Vision in Joseph Brodsky's Essay In a Room and a Half (1985), «AvtobiografiЯ», 2013, pp. 151-169
 55. *Smith S.* A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation, Indiana University Press, Bloomington, 1987
 56. *Smith S.* Subjectivity, Identity, and the Body: Women's Autobiographical Practices in the Twentieth Century, Indiana University Press, Bloomington, 1993
 57. *Tria M.* Una topografia della memoria: Praga e i suoi luoghi negli scritti autobiografici di alcuni emigrati russi, «AvtobiografiЯ», 2013, pp. 119-133
 58. *van den Hengel L.* Zoography: Per/forming Posthuman Lives, «Biography: An Interdisciplinary Quarterly», 2012, XXXV, 1, pp. 1-20
 59. *Vassena R.* I ricordi d'infanzia nel Dnevnik pisatelja di F.M. Dostoevskij: interazioni tra memoria individuale e memoria collettiva, «AvtobiografiЯ», 2013, pp. 211-222
 60. *Vilain P.* Défense de Narcisse, Paris, Grasset, 2005
 61. *Viollet C.* L'oeuvre autobiographique de Kersnovskaja: chronique illustrée ou fresque commentée? «AvtobiografiЯ», 2012, pp. 223-236
62. *Акар С.* Москва-Соловки (путевка), стихи, «СЛЮН», 9-10 (1924), с. 52
 63. *Алоэ С.* Реконструкция литературной среды: Дневник В.К. Кюхельбекера в годы заточения и ссылки, «AvtobiografiЯ», 2013, с. 129-169
 64. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики, М., Художественная литература, 1975
 65. *Богданова О.* Новое звено в биографике Ф.М. Достоевского, «AvtobiografiЯ», 2016, с. 55-73
 66. *Бодэн Р.* Простота стиля и конструирование идеального эпистолярного «я»: пример

- писем из ссылки Александра Радищева, «AvtobiografіЯ», 2013, с. 25-35
67. *Велижнев М.* «Сенатор» «Поэт»: (автобиографическая мифология и литературная репутация И.И. Дмитриева, «AvtobiografіЯ», 2016, с. 117-150
 68. *Винокур Г.* Биография и культура, «Труды государственной академии художественных наук», Филосовское отделение, II, 1927
 69. *Гинзбург Л.* О психологической прозе, М, Интрада, 1997
 70. *Гудкова В.* Населяя историю людьми: биографический метод как инструмент гуманитарной науки, «AvtobiografіЯ», 2016, с. 17-37
 71. *Деотто П.* Автобиографическая и литературная память при составлении автобиографии по заказу, «AvtobiografіЯ», 2013, с. 101-107
 72. *Добренко Е.* Молодой Эйхенбаум и Молодой Толстой: Литература как оформление опыта жизни, «AvtobiografіЯ», 2013, с. 89-100
 73. *Зарецкий Ю.* Автобиография и правда: Аввакум Петрович о Надежде Марковне, «AvtobiografіЯ», 2013, с. 13-23
 74. *Климова Н.* “Где я?»: Воспоминания детства в контексте киноповествования в фильме Любви Аркус Антон тут рядом (2012), «AvtobiografіЯ», 2015, с. 111-131
 75. *Кукулин И.* Фрагментация жизни? Проза Павла Улитина и смена парадигмы автобиографического письма 1950-1970-х годов, «AvtobiografіЯ», 2014, с. 129-169
 76. *Лаццарин Ф.* Фиктивный характер (псевдо)мемуарного текста как эстетическая программа. Еще раз о Петербургских Зимах Георгия Иванова, «AvtobiografіЯ», 2012, с. 101-120
 77. *Левина Паркер М.* Введение в самосочинение: autofiction, «Новое Литературное Обозрение», 2010, 103, с. 12-40
 78. *Левина Паркер М.* Андрей Белый: путь к распятию как аспект серийного самосочинения «AvtobiografіЯ», 2014, с. 93-128
 79. *Лотман Ю.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683
 80. *Малыгина Н.* Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова, «AvtobiografіЯ», 2016, с. 95-115
 81. *Манн И.* Рим Гоголя: авторские чтения повести как факт творческой истории, «AvtobiografіЯ», 2015, с. 189-197
 82. *Машинский С.* О мемуарно автобиографическом жанре, «Вопросы литературы», 1960, VI, с. 129-145
 83. *Медарич М.* Автобиография и автобиографизм /»Russian Literature», 1996, XL, с. 31-56
 84. *Местергази Е.* Литература нон фикшн, Совпадение, М., 2007
 85. *Ошевич Б.* Автобиографический мотив детства в избранных авторских песнях Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича, «AvtobiografіЯ», 2015, с. 133-

86. *Погорельская Е.* Биография Исаака Бабеля: мифы и реальность, «AvtobiografіЯ», 2016, с. 75-94
87. *Родинга Н. Сабурова Т.* Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича, «AvtobiografіЯ», 2014, с. 61-92
88. *Розанов М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922 – 1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч., США, Изд. автора, 1979
89. *Сальман М.* О разных смыслах автобиографичности у О.Э. Мандельштама: на примере Шума времени, «AvtobiografіЯ», 2013, с. 135-149
90. *Смит А.*, Мемуарная проза Марины Цветаевой как анти-памятник: очерк Живое о живом (1932 г.) в контексте мифотворческих тенденций российского и европейского модернизма 1910х-30х годов, «AvtobiografіЯ», 2012, с. 167-210
91. *Солженицын А* Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования, YMCA-Press, Paris, 1973-1975
92. *Трубина Е Ушакин С. (сост.)* Травма: пункты. Сборник статей, Новое литературное обозрение, М., 2009
93. *Тынянов Ю.* Литературный факт / История литературы. Поэтика. Кино., М., Наука, 1975, с. 255-270
94. *Тюпа В.* Стратегии писательской биографии (на материале жизнеописаний А.П. Чехова), «AvtobiografіЯ», 2016, с. 39-53
95. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память, «Неприкосновенный запас», 2005, 2-3, с. 40-41
96. *Холиков А.* Автобиографическая заметка Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти, «AvtobiografіЯ», 2012, с. 89-100
97. *Холиков А.* Трансформация памяти о писателе на срезе словесного и визуального «пространств», «AvtobiografіЯ», 2013, с. 73-87
98. *Ширяев Б.* Ели Соловецкие (впечатления с лесоразработок), «Соловецкие Острова», 2 (1925), с. 94
99. *Явчуновский Я.* Документальные жанры, Саратовский гос. Университет, Саратов, 1974